

Фрибус Ирина Андреевна

психоаналитик

г. Санкт-Петербург

ФУНКЦИЯ ТРЕВОГИ В ТЕОРИИ ЛАКАНА

***Аннотация:** статья посвящена психоаналитическому прочтению функции тревоги. Следуя логике Фрейда и Лакана, функция тревоги связывается с радикальной «нехваткой», постулируемой открытием бессознательного. Автор рассматривает связь тревоги с измерением «другого» и конституирующим актом кастрации и того, как функция тревоги определяет процесс субъективации и объективации.*

***Ключевые слова:** тревога, кастрация, нарциссизм, навязчивое повторение, субъективация.*

Назад к Фрейду

Выступление Лакана в 1951 году перед психоаналитическим сообществом провозглашает определенный поворот в его творчестве, который звучит – назад к Фрейду. Необходимость нового прочтения Фрейда вызвана как внешними причинами, разногласиями с теми направлениями психоанализа, которыми была подхвачена мысль Анны Фрейд о роли Эго, мысль, не разделявшаяся Лаканом, так и причинами внутренними. Сама логика развития теоретической мысли Лакана требовала нового прочтения Фрейда. Обращение ко всему корпусу мысли Фрейда, переосмысление, более тонкая дифференциация психоаналитических положений, необходимость, продиктованная дальнейшим продвижением и разработкой собственных психоаналитических построений.

Приступая к разработке собственной модели тревоги, Лакан опирается на работы Фрейда. Начиная свой семинар по тревоге, он замечает, что если ключом для входа в семинар по бессознательному ему послужило Witz, остроумие, то вхождением, прологом в тревогу послужит «Жуткое» Unheimlich. Но, если работа «Жуткое» это ключ, который отмыкает замок, приподнимает завесу, то «Торможение, симптом и тревога» – тот фундамент, от которого отталкивается

Лакан. «Голая порода» психоанализа – кастрационная тревога, полагающая предел, дальше которого анализ не может продвигаться, становится для Лакана отправной точкой. Психоанализ полагает – объект может быть лишь вновь обретенным. Прочтение Лаканом текстов Фрейда это и есть обретение вновь, постскрипту объекта психоанализа.

Тревога – это сигнальная реакция на утрату объекта, говорит Фрейд, Лакан продолжает: «...это лишь первое впечатление, которое у нас остается от мысли Фрейда, принципиально, и в текстах Фрейда это можно увидеть, тревога сигнализирует не об утрате, а о чем-то таком, что уровень утраты удваивает – об отсутствии той опоры, которая дает утрата» [1, с. 69]. Отсутствие, радикальная нехватка – это и есть суть учения Фрейда. Этот поворот открывает всю перспективу разговора Лакана о тревоге.

«Разве не знаем мы все, что не ностальгия по материнской груди порождает тревогу, а ее неминуемость? Тревогу вызывает все, что провозвещает, хотя бы косвенно, неизбежность возвращения в лоно. Не случайно ребенку игра в отсутствие и присутствие так нравится, что он возобновляет ее снова и снова. Возможность отсутствия и позволяет на присутствие положиться. Наиболее сильную тревогу ребенок испытывает тогда, когда отношения, на которых выстроено его бытие – нехватка, делающая его воплощенным желанием – нарушаются. А нарушаются они прежде всего тогда, когда возможность для нехватки отсутствует, когда мать от него не отходит и подтирает ему попу – модель требования, требования, которому не суждено смолкнуть» [1, с.69].

Для того, чтобы приступить к рассмотрению функции и структуры тревоги наметим основные направления. Лакан говорит – тревога появляется тогда, когда возможность для нехватки отсутствует.

1. Первый пункт, который мы обозначаем – это место отсутствия. Вырез, который оставляет после себя кастрация.

2. Преждевременностью человеческого рождения предопределяет его отношения с Другим. С самого первого момента своего появления на свет он связан с Другим в своих требованиях, желаниях и своем наслаждении.

Отсутствие матери вызывает чувство страстного, исполненного тревоги, ожидания ее прихода. Следующие утверждение – тревога связана с измерением Другого.

3. Тревога не без объекта – говорит Лакан. Определение статуса объекта в теории Лакана – это будет третье положение, которое мы должны прояснить.

Лишь после рассмотрения этих представлений можно будет подойти к пониманию тревоги.

Воображаемая кастрация

Стадия зеркала Лакана развивает представление о нарциссизме и начале идентификации в теории Фрейда. Этот момент полагает начало различных сюжетных линий во взаимоотношениях с Другим. Ребенок в определенном возрасте, от 6 до 18 месяцев, обнаруживает собственное отражение, свой образ в зеркале. Этот образ приводит его в восторг. Рядом с малышом, держа его за руку, находится Другой, взрослый. Обнаружив свое отражение в зеркале, ребенок обращается к Другому за подтверждением ценности увиденного. Этот зеркальный образ $i(a)$ теперь навсегда связан с Другим, удостоверившим эту сцену. Зеркальный образ, сам по себе это уже другой, только в этом отчуждении человек может овладеть представлением о себе, о своем теле. Теперь навсегда, мое тело – это тело вон там. Нарциссичекий образ тела, схватывающий аутоэротическую раздробленность, открывающий путь к социализации, созданный вне себя и навсегда отчужденный. Образ, который осложнил и запутал отношения с другим. Кто он другой – преследующий, желающий занять мое место, ненавистный или обожаемый?

Диалектика нарциссизма связана с либидинальной нагрузкой зеркального изображения.

1. Unheimlich

Но не вся либидинальная нагрузка отражается в зеркале. Есть некая область, нечто, что не отражается. Фаллос, то что Лакан называет минус фи (-ф) не может быть отражен в зеркале, так как не принадлежит Воображаемому регистру. С этого момента он функционирует как область нехватки, как пробел, отсутствие,

являясь, однако, представительством вполне осязаемого органа. Место (-ф) можно назвать воображаемой кастрацией, поскольку образа нехватки нет. С другой стороны, со стороны Реального можно обнаружить нечто, что, позднее определяя статус объекта, можно будет назвать объектом(а). Объект этот, не является производным от зеркального образа. Лакан настаивает, что именно этот объект Фрейд упоминает в связи с появлением тревоги. Тревога появляется тогда, когда в этом месте, месте невозможного образа появляется нечто. То, что появляется на месте (-ф), месте, где должен быть пробел, отсутствие – это появление Unheimlich. Отсутствие нехватки оборачивается тревогой. Heim, нечто, что было когда-то домашним можно обнаружить со стороны первовытесненного и влечения, образ, тесно связанный с телом. Образ, не имеющий образа, а только лишь своего представителя. Безобразный объект, становящийся безобразным.

Возвращаясь к сновидению об инъекции Ирме и к зрелищу, которое Фрейд обнаруживает в тот момент, когда пациентка открывает рот, можно проследить появление Unheimlich, ужасного и отвратительного. Образ разъятой плоти ужасает, то, что всегда скрыто, обнаруживает свою изнанку. Наросты в горле в форме носовой раковины, покрытые белесой пленкой, обнажают рассеченную, секретную сторону тела. Это и есть забытая, непроницаемая часть Я, либидинальный остаток не отраженный в зеркале, обнаруженный в форме отвратительного, который может функционировать только на уровне запретного наслаждения. Запрет на материнское тело, запрет на инцест конституирует человека культуры, нарушение этой дистанции вызывает тревогу, ужас и отвращение. Отвратительное возникает на уровне das Ding, Вещи, которая возникает в представлении как нечто отсутствующее или инородное. Репрезентатор, уполномоченный влечений, о которых Фрейд говорит: «Теория влечения – это, так сказать, наша мифология. Влечения – это мифические существа, величественные в своей неопределенности» [4, с.79]. Влечения, имеющие своего уполномоченного в виде репрезентатора представления, который Фрейд относит к уровню первовытесненного. Сновидение лишь обнаруживает и инсценирует желание, желание ко-

торое будучи вытесненным, находит встречное движение со стороны первовытеснения. Первая часть сновидения открывает уровень воображаемых отношений, в которые Фрейд оказывается вовлечен с рядом женских персонажей. За фигурой Ирмы обнаруживаются и другие женские образы, – это жена Фрейда и некая молодая больная, которая могла бы стать идеальной пациенткой.

Говоря о воображаемых отношениях, мы подразумеваем нарциссическую позицию. Нарциссизм – это то, что участвует в поддержании либидо, в момент колебания между объект-либидо и нарциссическим либидо. «Развитие Я состоит в удалении от первичного нарцисизма, которое вызывает интенсивное желание вновь его обрести» [6, с.206]. Тревога появляется в момент, когда нечто нарушает эти колебательные движения либидо. Вторжение безобразного на уровне аутоэротизма сопровождается появлением отвратительного зрелища изнанки тела.

Лакан, называя влечение отвлечением, подчеркивает, если удовлетворение может быть достигнуто без участия цели биологического воспроизводства, то можно сказать, что цель его и состоит в движении по замкнутому контуру. Такое представление есть и у Фрейда и его метафорой служит один-единственный рот, целующий сам себя. И единственная возможность не отождествить это удовлетворение с аутоэротизмом – это возможность помыслить наличие отсутствия, пустоты, заполнить которую, конечно, можно любым подходящим объектом. «Знак» отсутствия и конституирует утраченный объект. Он должен быть утрачен, для того, чтобы запустить движение желания и избежать нарушения в поддержании либидо.

Возвращаясь к сновидению, можно сказать, что образ зловещей медузы Горгоны, то, что предстало пред взором Фрейда, это и есть то, что заполнило этот пробел, место отсутствия. Лишь возможность обогнуть эту пустоту, не заполнив ее ничем, дает устойчивость структуре движения влечения. Heim, вторжение которого нарушает движение влечения по замкнутому контуру и вызывает тревогу. Место, бывшее когда-то близким и родным, вызывает Unheimlich, отвращение и ужас. Ужасающий образ, соединяющий в себе и образ женских гениталий, и образ материнской утробы. Вспоминая Фрейда, можно сказать, что представлению

об отвратительном и ужасном предшествовало знание о красоте и привлекательности, прежде всего, гениталий.

Реальное – это место, где можно обнаружить нехватку, в том смысле, что то, чего мы не досчитались в Воображаемом регистре, то, что не отразилось в зеркале, находится в Реальном. Обнаружить нехватку, объект нехватки, возможно лишь в форме *Unheimlich*, на стыке Воображаемого и Реального регистров.

2. Нарциссическое отчуждение Двойники

У человека особые отношения со своим образом – отношения отчуждения.

Сцена у зеркала – ребенок ликует, он увидел свой образ. Теперь и навсегда он пленен этим образом. Эта способность к овладению своим отражением, по мнению Фрейда, основывается на абсолютной беспомощности в начале жизни. Ребенок в 6 месяцев не способен контролировать собственное тело, но при этом способен распознать себя в зеркале. Недостаток моторной координации вызывает представление о своем теле как о теле фрагментированном. Тревога по поводу своей раздробленности и беспомощности сменяется ликованием и представлением о господстве в своем образе.

Одна из трудностей в понимании работы «Нарциссизм» заключается в различении функций Я-Идеала и Идеального-Я. Лакан обращает внимание на то, что Фрейд предваряет появление Идеального-Я словами «новая форма», т.е. Идеальное-Я это новая форма Я-Идеала. Метафорой для различения этих двух функций служит замена зеркала стеклом. Если в зеркале отражается Я, удостоверенное Другим и разворачивается история субъективации, то глядя сквозь стекло можно увидеть собственное Я одновременно с другими объектами, расположенными по ту сторону. В этой второй ситуации: «Мы говорим об образах человеческого тела, об очеловечении мира и его восприятия, зависящем от образов, связанных со структурированием тела. Образу свойственно либидинальное инвестирование. Под либидинальным инвестированием понимаем то, в чем объект становится желанным, т.е. в чем он сливается с образом, который мы по-разному и разной степени структурированности несем в себе» [3, с. 188].

Такое положение дел, с одной стороны разворачивает процесс объективации, а с другой нарциссическое пленение, где Я-Идеал в качестве говорящего, попадает в мир объектов на уровне Идеального-Я. Одна из форм протяженности психического, которая сама не ведает об этом. Не ведает в результате радикального отчуждения, нераспознаваемости того, где Я, а где не Я. Сошедшее со сцены в мир Я вселяется в двойников. «Я – это другой» Отчуждение – форма радикальной нехватки, при этом, она является конститутивной характеристикой субъекта.

Нехватка, отсутствие подразумевает, что появление неминуемо. Присутствие обнаруживает себя со стороны объекта(а), который оставаясь на уровне тела, на уровне первичного нарциссизма, аутистического наслаждения вторгаясь опрокидывает субъекта, вызывая тревогу. «Желание мое вселяется в от века предназначенное ему селение в форме объекта – объекта, в который я обратился, поскольку оно, желание, изгнало меня из моей субъективности» [1, с. 63].

Смятение, нераспознаваемость (*meconnaissance*) запутывают отношения с другим, а по сути с самим собой. Двойник отделяется от зеркала. Встреча с таким двойником вызывает чувство жути, а порой ненависти.

Фрейд, обнаружив в зеркале вагона свое отражение, замечает, что художественный вымысел позволяет наиболее полно рассмотреть это явление, в более стабильной форме. В изобразительном искусстве, литературе и кинематографе эти сюжеты представлены во всем своем многообразии, от роковой любви-ненависти, встрече со смертью в лице Господина, до параноидального преследователя. Голядкин Достоевского, Черный монах Чехова, Орля Мопассана, знаменитые сюжеты, связанные с портретами Гоголя и Уайльда, встреча Моцарта с Черным человеком обнаруживают парадоксальность и зыбкость человеческой субъективности.

Символическая кастрация

1. Травма как Встреча с Реальным Навязчивое повторение automaton

Обозначив место нехватки как (-ф), Лакан продолжает – единственный доступ к Реальному возможен посредством Символического. Символическое противоположно либидинальной нагруженности нарциссизма, оно находится по другую сторону принципа удовольствия. То, что лишено бытия, но в принуждении своем на бытие настаивающее. Символический контур, в принципе навязчивого повторения, ставящий под сомнение автономность субъекта.

В работе «Жуткое» Фрейд рассказывает о своей прогулке по незнакомым улицам итальянского городка. Стремясь покинуть определенную улицу, он в результате скитаний по переулкам трижды оказывался в месте, которое пытался покинуть. В изумлении он восклицает: «Тогда-то меня охватило чувство, которое я могу назвать только чувством жути» [5, с. 114].

Автоматическая кукла Олимпия в повести Гофмана «Песочный человек», в которую влюбляется главный герой, также вселяет чувство неуверенности и страха. Сны травматических невротиков, описанные Фрейдом в работе «По ту сторону принципа удовольствия», раз за разом, в навязчивом повторении, возвращают субъекта к переживанию травмы, к возврату тревоги. То, что в работе «Торможение, симптом и тревога», Фрейд называет травматической ситуацией опасности, Лакан называет встречей с Реальным. «Реальное – это то, что всегда лежит за *automaton*, и чем больше читаешь работы Фрейда, тем очевиднее становится то, что именно оно Реальное, и является предметом главного его интереса» [2, с. 61].

Этим интересом Лакан объясняет настойчивое продвижение в лечении Человека-Волка, приведшее к развитию позднего психоза. Желание знать, что кроется за фантазмом. Реконструкция травматической сцены и служит тому подтверждением.

И, в этом смысле, встреча с Реальным это всегда случай. Случай в форме травмы, не поддающейся усвоению. Сны травматических невротиков воспроизводят вновь и вновь образ этой травмы в виде экрана, закрывающего истинную причину, и вызывающие тревогу.

Лакан задается вопросом, почему сновидение, носитель желания, воспроизводит образ травмы? Не потому ли, что часть Реального, остающаяся в плену принципа удовольствия, воспроизводится в реальности субъекта? Не для того ли, чтобы жизнь не могла превратиться в сон? Что заставляет отказаться от желания спать? С одной стороны, влечение, в страшных образах сновидения, изнанка представления, единственно доступное представительство, с другой – субъект, в автоматическом принуждении, следующий обходными путями, и выходящий на сцену, другую сцену. Эта встреча постоянно откладывается, встреча, результатом, которой каждый раз является отсутствие. «Вы зайдете, пока он не пришел? – Когда он придет, вас точно уже не будет» [2, с. 64].

Разминувшись с Реальным, субъект воспроизводит этот опыт в навязчивом повторении. Навязчивое повторение – экономия, окольный путь к встрече.

Фрейд описывает сновидение отца, который только что потерял сына, подчеркивая, что именно этот сон его теорию сновидений подтверждает. Задремав в соседней комнате, отец просыпается от страха, что свеча может опрокинуться и поджечь гроб с телом его сына. Фраза, произнесенная во сне – папа, разве не видишь ты, что я горю?, являясь как раз такой встречей, которая возможна только в сновидении, служит толчком к пробуждению. Оплошность или случайность задремавшего отца приводит к воспроизведению сновидческой реальности в действительности. Прикосновение к Реальному, повторяется после пробуждения – пожар вот-вот готов вспыхнуть. Возможность пожара во сне – это ожог, травма, которая будет мучительно избываться отцом, в ритуале повторения. «Но, что именно горит, в данном случае мы не видим, ибо ослепляющее нас пламя, не дает разглядеть того, что пожаром охвачено *Unterlegt, Untertragen*, Реальное» [2, с.67].

Пробуждение отца служит исполнению желания сновидения отложить окончательную встречу с Реальным и оплакать потерю. Утрата объекта делает возможным желание пробуждения и обнаружение субъекта как подданного *automaton*. Тревога же знак этой встречи в сновидении.

2. Опыт присутствия и отсутствия Кастрация

«Разве не знаем мы, что не ностальгия по материнской груди порождает тревогу, а ее неминуемость» [1, с. 69].

Конституирующее значение опыта нехватки обнаруживает Фрейд в парадигмальной сцене присутствия и отсутствия, сцене игры с катушкой. Тревога и бессилие, одновременно с надеждой и ожиданием охватывают маленького ребенка перед лицом потери – отсутствием матери. Как может пережить эту травму еще беспомощный малыш? Что можно этому противопоставить? Как преодолеть свою заброшенность?

Наблюдая за игрой своего внука, Фрейд пишет: «Прошло довольно много времени, прежде чем мне раскрылся смысл этого загадочного и постоянно повторяющегося действия» [6, с. 79]. Ответ таков – травма и попытка избыть, овладеть ею в навязчивом повторении, а единственный способ справиться с этим это рождение символа. Бросая катушку, ребенок сопровождает это действие возгласами For – Da, первые фонемы, которые различают противоположности прочь – сюда. Так ребенок вступает в язык. Первое различие, которое ведет к далеко идущим последствиям, рождение собственно человеческого, рождение человека культуры.

Катушка маленькая и привычная, ее легко держать в руке, и вот она летит в дальний угол комнаты, под шкаф, под кровать. Она скрылась из виду, она отсутствует, но вместо, вместо нее появляется протяжное Fo-o-r. Слово убивает вещь, дотоле всецело властвующую, открывая путь к Wortvorstellung, открывая путь речи. Теперь есть и слово, и образ Dingvorstellung, и маленький объект, который можно как отбросить, так и подтянуть за веревку, если этого захочется. Путь к желанию открыт. Нехватка подразумевает желание, то, что минуту назад было безжалостно выброшено, вдруг становится желанным. Желание, которому предстоит долгий путь, хранящему память о маленькой игрушке, вмещавшейся в руке, дающей опору объекту.

Игра – это действие, которое помогает преодолеть тревогу. Но где-то внутри этого бесконечного прочь – сюда, есть сердцевина, момент нерешительности. В этот миг тревога сжимает сердце малыша в ожидании потери или в ожидании

встречи с желанным. Где одно предстает как память о другом. Катушка, закатившаяся под диван, забытая до следующего дня и самим забвением дающая надежду на обретение вновь. Память, обернувшаяся утратой. Возвращение вытесненного, оно всегда теперь здесь рядом, но та ли это катушка? «Катушка хрупка, она на грани. В некотором смысле, она возвышенна. Ее энергетика колоссальна, но надежд на нее немного, ибо она в любой момент может погибнуть, она – которая мечется туда – сюда, как бьется сердце, как приливает волна» [7, с.61]. Объект и игра: «Обгра – это событие слова во взрыве хохота над вещью» [7, с. 60].

Обнаруживая собственное отражение в зеркале, малыш держится за руку Другого, удостоверившего сцену, сказавшего – ты есть. Измерение Другого становится местом, где субъекту предстоит сложиться, место языка.

«Событие слова» – вхождение субъекта в язык. Лакан в семинаре «Тревога» упоминает замечание Гегеля из «Феноменологии духа» о том, что язык – это работа, и только с помощью языка человек может переводить внутреннее во внешнее. Метафора вывернутой перчатки, но с некоторой оговоркой Лакана – вывернуть наизнанку удастся не все. Артикуляция оставляет после себя остаток, не все может быть означено. Место этого остатка Лакан называет объектом (а), тот объект, о котором можно говорить, тревога не без объекта.

Тревога появляется тогда, когда на месте объекта (а) что-то появляется, когда нехватка заполняется, а единственный способ избежать этого – кастрация, позволяющая освободить место для появления Другого. Не быть нарциссически плененным, не исчезнуть в психозе подразумевает определенное место по отношению к Другому, разрешение Эдипова комплекса и вхождение субъекта в закон. Оральная кастрация предшествует и открывает возможность для других кастраций.

Кастрационная тревога, с которой связывает Фрейд фобию Маленького Ганса, разрешается вместе со сновидением о водопроводчике. «Пришел водопроводчик и сначала клещами отнял у меня зад и дал мне другой, а потом и другой Wiwimaher» [6, с. 89]. История, начинающаяся с игры в катушку, игры в утрату, в случае Маленького Ганса заканчивается обретением символического фаллоса.

Кастрационный комплекс и кастрационная тревога, оказываются связанными с вопросом иметь или не иметь, и как показывает сон Маленького Ганса, для того чтобы вступить во владение чем-то, необходимо предварительно это потерять. «Когда Ганса перевели из нашей комнаты, ему было приблизительно четыре года. Следы остались еще, но теперь выражаются не в страхе, а во вполне нормальной страсти к вопросам» [6, с. 92].

Список литературы

1. Лакан Ж. Тревога (семинары: книга 10 1962/63) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Логос, 2010. – 424 с.
2. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (семинары: книга 11(1964)) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Логос, 2004. – 304 с.
3. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (семинары: книга 2 (1954/55) / Ж. Лакан. – М.: Гнозис; Логос, 2009. – 520с.
4. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Ж. Лапланш, Ж.-Б. Понталис. – М.: Высш. шк., 1996. – 623 с.
5. Фрейд З. Семейный роман невротика: Сборник / Пер. с нем. Р.Ф. Додельцева. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. – 224 с.
6. Фрейд З. Психика: структура и функционирование / Пер. с нем. А.М. Боквилов. – М.: Академический проект, 2007. – 230 с.
7. Фрейд З. Малое собрание сочинений / Пер. с нем. Г. Барышниковой и др. – СПб.: Азбука; Азбука-аттикус, 2011. – 992 с.
8. Юберман Ж-Д. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Пер. с фр. А. Шестаков. – СПб.: Наука, 2001. – 234 с.